

Опомнившись от потрясения, репортер вернулся в редакцию и разразился разгромной статьей, в которой припечатал Джеймса: «Шпана как она есть, мелкий хулиган до мозга костей!»

Джеймс чувствовал себя чертовски уязвленным.

Сочувствия, впрочем, он ни от кого не дождался. Нечего было молотить языком и трепаться без умолку — сам виноват.

Ланс высказался без обиняков:

— Если в следующий раз не найдешься, что ответить, сделай милость — просто закрой рот!

Даже старший брат Линд не упустил случая вставить шпильку:

— Раз уж пообещал, надо было раздеваться до конца. А то репутацию мерзавца заработал, а девчонкам ничего не показал. Обидно же.

Джеймс лишь отмахнулся. На душе было тошно, а излить ее — некому.

В порыве отчаяния он набрал домашний номер отца:

— Пап, только заклиная: не верь ни единому слову, что строчат эти газетные стервятники!

Старый Джон на том конце провода искренне изумился:

— А? Что там стряслось? Что они опять про тебя написали?

Пользуясь моментом, Джеймс раздраженно выпалил на одном дыхании:

— Да врут они напропалую! Пишут, будто я лапал ведущую на интервью и... ну, грозился спустить штаны перед камерами. Но я же не спустил! Да, сболтнул сдуру, но ничего такого не делал! То есть ляпнуть-то ляпнул, а всерьез и не думал. Понимаешь? Просто язык мой — враг мой, занесло на повороте во время перепалки.

— А-а, теперь ясно. Ну и как она, симпатичная?

— Папа!

— Ладно-ладно, шучу. Да и со штанами трагедии не вижу. Главное, без трусов на люди не выходи.

— Господи, папа!

На этом сеанс сыновней исповеди подошел к концу.

Пожалуй, в подобные минуты Джимми искренне радовался, что в их доме никогда не было женщин. Мужская кожа толще, к безумным выходкам они относятся снисходительно, да и порог терпимости у них куда выше.

Так или иначе, стараниями прессы за рок-группой «Планета» намертво закрепилась репутация отбитых хулиганов.

Но парадокс заключался в том, что чем яростнее журналисты исходили желчью, тем стремительнее раскупались билеты на концерты.

Ушлый Эйбел мгновенно сообразил, в какую сторону дует ветер. Он был малым неглупым, пускай и излишне заикленным на чистой выгоде.

В его коммерческом мозгу тут же созрел план черного пиара.

Как-то вечером, когда музыканты собрались пропустить по стаканчику в местном пабе...

Эйбел вкрадчиво поинтересовался:

— Ребята, как вы отнесетесь к тому, если я шепну паре репортеров наш адрес? Пусть сделают несколько кадров.

Снимки? Да без проблем.

Парни пожали плечами — им было плевать. Лишь Ланс лениво бросил:

— Главное, чтобы ракурс был приличный.

Эйбел клятвенно пообещал все устроить.

В пабе они устроились за стойкой, цедили эль, перекидывались парой слов с крутившимися поблизости девицами и краем глаза поглядывали на дверь. Однако до самой полуночи никто с камерами так и не появился.

Изрядно захмелев, четверка плюнула на это дело и побрела домой. Музыканты решили, что менеджер передумал или просто не сумел никого выпечить.

Но наутро свежие газеты запестрели заголовками вроде: «Пьяный угар и доступные девицы: как рок-группа „Планета“ прожигает ночи». Статьи украшали четкие, профессиональные снимки, снабженные ворохом грязных сплетен. Текст идеально укладывался в созданный

прессой образ «плохих парней».

Сомнений не оставалось: Эйбел сам слил информацию и организовал слежку.

— Раз уж пресса так жаждет скандалов, почему бы не скормить им то, чего они хотят? — оправдывался он позже. — Зато о нас говорит вся страна. Рейтинги растут.

Накатившую волну нелепости происходящего трудно было описать словами. Но Джимми в какой-то момент едва сдержал дикий хохот. Оказывается, в этом бизнесе можно проворачивать такие трюки!

Парни, едва переступившие порог этого ярмарочного балагана под названием шоу-бизнес, воочию увидели изнанку его фальшивого блеска.

К счастью, среди них не водилось прекраснодушных идеалистов, готовых разбиться насмерть ради «чистого искусства» или абсолютной правды. Жизнь на задворках Ливерпуля приучила каждого крутиться как умеешь. Если ты с детства привык бороться за выживание, то и правила игры принимаешь без лишней брезгливости.

В конце концов, они никого не грабили, не убивали и не обманывали. Никакого насилия — просто грамотное манипулирование общественным мнением. Зачем воевать со стервятниками из газет, если можно стричь на этом купоны?

Молчаливое согласие на уловки Эйбела было получено.

Бизнес и творчество — две непересекающиеся тропы, и если хочешь усидеть на двух стульях, изволь прогнуться. Музыка — стихия свободная: убирай, добавляй, экспериментируй, лишь бы цепляло за душу. Коммерция же безжалостно загоняет живых людей в рамки шаблона, вешает ярлыки, ищет целевую аудиторию и упаковывает товар так, чтобы его гарантированно купили.

Эйбел нащупал золотую жилу. С его подачи четверо уличных мальчишек превратились в новых бунтарей и кумиров молодежи. Необузданные, плюющие на авторитеты, дерзкие и чертовски талантливые — они делали то, о чем обычные подростки не смели даже мечтать.

Бурлящие гормоны пубертатного периода требовали именно такого вызова обществу. Фанаты были готовы боготворить группу «Планета» просто за то, что те выходили сухими из воды там, где другие сломали бы шею.

Тем временем их хит «Ей в этом году шестнадцать» гремел во всех студенческих кампусах страны. На этой неделе трек ворвался в тройку лидеров национального хит-парада и вел отчаянную борьбу за вершину чарта с признанными мастодонтами сцены.

События развивались с космической скоростью. Жизнь закрутилась безумным вихрем,

швырнув их на самую вершину олимпа раньше, чем они успели опомниться.

Глупо утверждать, будто они с самого начала верили в свой успех. Джеймс, отбросив мистическую подоплеку его появления, искал лишь способ заработать пару лишних фунтов. Ланс собирал группу забавы ради, и лишь со временем втянулся по-настоящему. Болдуин подходил к делу серьезнее всех, видя в музыке свое призвание, но даже он не строил иллюзий в этом зыбком мире. Что же до Тео, то этот парень просто плыл по течению — его взяли только из-за гаража, в котором можно было репетировать, и он до сих пор чувствовал себя Золушкой, которую по недоразумению сосватал прекрасный принц.

Но факт оставался фактом: они проснулись знаменитыми.

Пускай масштаб славы пока уступал мировым легендам, но у них за спиной уже были телеэфиры, пластинки, аншлаги на концертах и собственный штат техников.

Вот только перестроить сознание и привыкнуть к новому статусу никто из четверки толком не успел.

Как-то раз Джеймс выскочил на улицу в домашней одежде, чтобы купить пару бургеров с говядиной, как вдруг наперерез ему бросилась стайка девчонок. Пища от восторга, они облепили его со всех сторон, протягивая блокноты для автографов.

— И откуда вы только взялись, красотки? — ухмыльнулся он, польщенный таким вниманием в самый обычный будний день.

Он охотно расписывался на клочках бумаги и, не удержавшись, отпустил привычный комплимент:

— Не иначе как из пены Эгейского моря явились?

Девчонки залились звонким смехом.

Одна из них, посмелее, лукаво подмигнула:

— Именно так. Мы проделали долгий путь, чтобы поймать тебя, наш прекрасный Адонис.

В этот период Джимми активно боролся с дислексией и заставлял себя ежедневно читать. Выбор пал на Шекспира — и дело вовсе не в изысканном литературном вкусе. Просто поэтические строчки были короткими, продираться сквозь них казалось гораздо легче, да и с сугубо практической точки зрения поэзия могла помочь в написании собственных текстов. О высоком искусстве парень думал в последнюю очередь.

Только-только одолев поэму «Венера и Адонис», Джеймс прекрасно понял, что девчонки его попросту поддразнивают.

Чувствуя, как уши заливают предательский румянец, он поспешно уткнулся в очередной блокнот, изо всех сил делая вид, будто намек прошел мимо ушей. Но этот внезапный порыв скромности лишь раззадорил фанаток. Та самая смелая девчонка приподнялась на цыпочки и быстро запечатлела на его щеке поцелуй. Легкий, словно прикосновение птичьего крыла.

Джеймс даже не подумал злиться.

Напротив, он мягко улыбнулся ей в ответ.

И это стало его роковой ошибкой. Остальная толпа взвыла от зависти и ринулась на штурм.

Джимми шутливо отмахивался и пытался ускорить шаг, но фанатки не отставали ни на метр. В конце концов ему пришлось уступить: он покорно чмокнул каждую в лоб, словно благообразный старший брат.

Увы, кроме Ланса никто бы в жизни не поверил, что за фасадом нечесаного блондина с наглыми зелеными глазами, вечно курящего, сквернословящего и хамящего прессе, скрывается на редкость мягкое сердце.

Газетчики своего не упустили. Заголовки так и кричали: «Ливерпульский выскочка распускает руки среди бела дня!», «Аморальное поведение восходящей звезды» и «Уберегите своих дочерей от этого бабника!».

Ланс швырнул утреннюю прессу на стол перед Джеймсом и процедил сквозь зубы:

— Полюбуйся на свои подвиги, Ромео.

Болдуин покатывался со смеху, а Тео завистливо вздыхал:

— Ну ты даешь, приятель! Хотел бы я оказаться на твоём месте.

Сам же виновник торжества пребывал в глубоком унынии.

И удручало его вовсе не то, что он опять угодил в скандальную хронику, укрепив за собой репутацию отпетого подонка. На мнение досужих сплетников ему было глубоко плевать. Обиднее всего было то, что общественность записала его в прожженные ловеласы, хотя на деле все обстояло с точностью до наоборот. А опровергнуть это клеймо не представлялось возможным.

Ну не созывать же пресс-конференцию с заявлением: «Господа, я вообще-то еще девственник»? Пожалуй, это было бы еще более сокрушительным ударом по его репутации.

В итоге Джимми решил придерживаться проверенной тактики: прикинулся дурачком, свалив

все на дислексию, мол, читать не умею и знать ничего не знаю.

Вскоре прелести популярности ощутили на себе и остальные участники группы. Пройтись спокойно по улицам стало непозволительной роскошью.

Ланса как-то раз прижали в музыкальном магазине, и этот невозмутимый тип не придумал ничего лучше, кроме как вызвать полицию, заявив о покушении на частную собственность. Болдуину пришлось спасаться бегством через кирпичные заборы. Один лишь Тео искренне завидовал чужому вниманию и мечтал о собственном фан-клубе, пока его однажды не зажал в углу какой-то мускулистый фанат мужского пола... После этого случая парень только и мог заикаться: «Спасите...»

В конце концов музыканты уселись в гостиной и уставились друг на друга:

— Мы что, теперь тоже обязаны пополнить ряды напыщенных индюков, которые даже ночью не снимают темные очки?

— Похоже на то, — вздохнул Тео и добавил: — Только давай обойдемся без резких эпитетов, раз уж мы сами без пяти минут в этой компании.

— Согласны, — хором выдохнули остальные.

<http://bllate.org/book/19389/1999618>